

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ НА РОДОСЕ

К. М. Колобова

В I в. до н. э. знаменитый путешественник Страбон оставил одно из первых подробных описаний Родоса и его государственного устройства¹.

«Город Родос лежит на восточной оконечности острова. Своими гаванями, улицами и стенами он настолько выделяется среди прочих городов, что мы не могли бы назвать другого города, не то что лучшего, но хотя бы равного этому. Удивления достойно также его прекрасное законодательство и продуманность всего его государственного устройства, в особенности, что касается морского дела, благодаря которому этот город издавна сделался владыкой морей, уничтожил пиратов, стал другом римлян и царей, преданным Риму и эллинству. Поэтому он сохранил свою независимость и украсился множеством подношений, большая часть которых находится в храме Диониса и в гимнасии, остальные—в других местах города. Первое место среди них занимает колосс Гелиоса, о котором сложена ямбическая надпись, гласящая, что сооружен он в семь десятков локтей Харесом Линдосцем. После землетрясения он рухнул и ныне лежит на земле, разбитый в коленях, а не восстановили его из-за одного оракула. Родосцы всячески пекутся о народе, так как, хотя правление у них и не демократическое, они все же стараются содержать массы бедняков. Народ пользуется хлебными раздачами, и люди состоятельные, следуя отцовскому обычаю, поддерживают нуждающихся. Существуют у них и некоторые повинности, за которые выдается пропитание от государства, так что одновременно и бедняки получают прокорм, и государство в необходимых случаях всегда поспевает к сроку, в особенности, когда дело идет о мореплавании. В гавани же родосской кое-что остается тайной для простого народа, о чем уже и говорить нельзя: а тому, кто станет подсматривать или проникать внутрь, наказанием положена смертная казнь».

Один из героев Лукиана, во время плавания остановившийся на Родосе, совершая на досуге прогулку по городу, получает «наслаждение чрезвычайное». «Это настоящий город солнца и красота его достойна бога»².

Количество восторженных отзывов о Родосе можно было бы увеличить. Древние писатели единодушно восхваляют красоту города и не только его архитектурную красоту и благоустройство, но и изысканный греческий стиль города и его обитателей.

¹ Strabo, XIV, 2, 5, p. 652.

² Lucian—Erotes; 6.

«Помимо прочего, все признают немалыми вашими достоинствами вашу походку, прическу, то, что никто в вашем городе не бесчинствует, но, напротив, следуя вашим обычаям, и приезжие иноземцы вынуждены соблюдать установленный порядок. Так точно, думается мне, люди, не получившие воспитания, попадая в палестру или гимнасий, начинают двигаться с меньшей неловкостью. К этому надо добавить ваш наряд,—иному, пожалуй, это смешным покажется,—в меру употребляющий пурпур. Еще больше бросается в глаза ваш спокойный вид, ваша приветливость. Все это делает ваш город величавым, за все это вас считают не такими, как все; всем этим люди восхищаются и удивляются. И не столько украшают гавани, стены, верфи, сколько старинные, чисто эллинские, обычаи. Кто бы ни прибыл к вам, стоит ему сойти с корабля, и он тотчас видит, даже если он варваром окажется, что попал он не в какой-нибудь сирийский или киликийский город»¹.

Такова внешняя сторона города и его обитателей, сохраненная нам древними авторами. Попытаемся теперь заглянуть в закулисную жизнь этого города, скрытую от нас временем.

Город Родос основан в 408/7 г. до н. э. Он возник, по сообщениям древних авторов, путем синойкизма трех общин—Линда, Ялиса и Камира, которые, однако, продолжали существовать и дальше, наряду с Родосом, но уже как второстепенные центры острова. Подобно городам, построенным эллинистическими династиями Востока, он был городом «умышленным», т. е. построенным по заранее выработанному и определенному плану с приглашением одного из лучших архитекторов того времени². Однако переселения жителей трех городов, в с е х жителей, не происходит. Выселяются, очевидно, те, на чьи средства будет строиться новый островной центр; и те, чьиими руками он будет строиться. Обстоятельства, предшествующие основанию, и самый процесс сооружения нового города нам почти неизвестны. Диодор говорит³: «Обитатели острова Родоса и Ялиса, и Линда, и Камира были переселены (*μετοικήθησαν*) в один город, ныне именуемый Родосом». Пассивный оборот—*μετοικήθησαν*—подчеркивает, что не только инициатива исходила не от широких масс, но даже имел место момент какого-то принуждения и, как можно думать, скорее экономического, чем юридического порядка. Не вполне ясно, имеет ли Диодор в виду переселение только из трех городов, или же, говоря *οἱ τῆν Ῥόδον ἤσαν κατοικοῦντες*, он разумеет переселенцев со всего острова и лишь особо выделяет три главных центра, давших основной контингент населения всего города. Нам кажется более вероятным именно последнее⁴.

Закладка нового города в географически наиболее выгодном для торговых сношений пункте была «частным делом» крупнейших купцов Линда, Камира и Ялиса. После 405/4 г. в уже сложившемся городе образуется олигархия крупных торговцев, при поддержке спартанских гармостов, осуществляющих власть над всем островом. Это положение длится до 395 г. За это десятилетие новый город вырастает в первоклассный торговый центр, тем более, что Афины совершенно обессилены после

¹ Dio Chrysost.—*Rhodiaca*, 651 R.

² Strabo, XIV, 2, 9, p. 654.

³ Dioid., XIII, 75, I.

⁴ Ср. также Strabo, XIV, 2, 10, p. 654. У него вместо диодоровского *μετοικήθησαν*—*συνοικήθησαν*. Об основании Родоса см. также Ael. Aristid., XLIII, p. 86 (Dind); XXV, 50 (Keil.); Synk.—*Chron.*, p. 258a, ed. Bonn; Eustath.—*ad Homer.* II, II, 156, 315.

битвы при Эгоспотамах. Этот город, как все искусственно созданные и быстро отстроенные города, представляется нам с самого начала городом резких имущественных контрастов, городом, в котором классовая борьба вскрывается особенно четко и ярко. Средние зажиточные слои создаются именно долгою жизнью на одном месте. И эти средние слои, повидимому, остались на старых насиженных местах. Таким образом, внутренняя борьба, начавшаяся до возникновения Родоса (сам Родос был результатом и «вещественным доказательством» этой борьбы), в Родосе принимает иные, более резкие формы, чем в Линде или Камире. Родосский демос в широком смысле этого слова, т. е. наемные феты-поденщики и рабы, мастера и строители, работавшие над сооружением гавани и возведением городских укреплений и храмов, по крайней мере в первые годы существования города представляют в гораздо большей степени трудовые низы, чем мелкие и средние лавочники и ремесленники Линда. Эта родосская беднота образует афинскую партию города; именно на этот широкий демос опираются в своей борьбе купцы и хозяева рабских мастерских Родоса. Богатая правящая верхушка образует в свою очередь спартанскую партию. Афинская и спартанская партии в конечном счете—лишь политические ярлыки, лишь лозунги внешней политики, тесно связанные с классовыми противоречиями и ожесточенной борьбой внутри города, борьбой, обусловленной не только политическими, но и чисто-экономическими интересами.

В 396/5 г. в городе переворот: Родос отпадает от Спарты и переходит на сторону Афин. В этом перевороте большую роль сыграли внутренние волнения в городе, которыми воспользовался Конон¹.

Источники, которыми мы располагали для истории этого переворота до открытия Hellenica Оксиринхского папируса, давали лишь краткие сведения, не вскрывающие социальной сущности этого события. Павсаний говорит: «Конон убедил родосский демос отпасть от лакедемонян и войти в союз с персидским царем и афинянами»². Диодор, описывая самый переворот, говорит просто о «родосцах»³: «Родосцы, прогнав спартанский гарнизон, отложились от лакедемонян и приняли Конона со всем его флотом в город». И только беглая заметка у Диодора о захвате родосцами и флотом Конона египетских кораблей с хлебом, предназначенным для спартанцев, бросает, может быть, некоторый свет на сущность происходящего⁴.

Hellenica Оксиринхского папируса дает детальное изложение самого переворота. Что касается событий, непосредственно ему предшествующих, то здесь в наших источниках имеются действительные или мнимые расхождения, на которых сейчас останавливаться не будем. Повидимому, мы можем принять, следуя более подробно изложению в тексте папируса, что собственно демократическому перевороту предшествовало, может быть, на несколько месяцев изгнание спартанского гарнизона из Родоса⁵. Можно думать, что изгнание это было делом той же олигархии,

¹ Cp. H. Van-Gelder—Geschichte der alten Rhodier, Haag, 1900, S. 83—85; K. J. Velsch—Griechische Geschichte, B. III, Abt. I, S. 42; II, S. 215—216, Brl. u. Lpz., 1923.

² Paus., VI, 7, 6; Ῥοδίων τὸν δῆμον περισθέντα.

³ Diod., XIV, 79, 6—8.

⁴ Diod., XIV, 79, 7. «Родосцы и Конон, наварх персов, завели суда в гавань и наполнили город хлебом (ἐμπλήρωσαν σίτου τὴν πόλιν)», наполнили, очевидно не для торговли, а для облегчения положения демоса, совершившего переворот.

⁵ Такова именно точка зрения Белоха, см. прим. 1.

которая была установлена Лисандром. Возможно, что и здесь, как это бывало часто, имел место обман родосского демоса со стороны олигархов. Об этом мы ничего не знаем, кроме того, что к моменту разбираемых событий спартанцев в городе уже давно нет; флот Конона занимает гавань, и под предлогом не приучать к праздности воинов ежедневно происходят маневры его войск, но власть в городе продолжает оставаться в руках олигархов—Диагоридов. Возможно, что изгнание спартанцев было совершено с их санкции. Однако волна оппозиции широко захлестнула родосский демос, и в городе готовится переворот. Конон знает о готовящемся истреблении Диагоридов и не только знает, но и тайно подготавливает революцию. Однако по каким-то политическим соображениям он не желает присутствовать при перевороте¹ и в решительный момент выводит большую часть своего флота из гавани. Одновременно он отдает распоряжение своим помощникам Гиерониму и Никофему быть на страже и следить за событиями. В день переворота войско Конона занимает важнейшие пункты в городе, но в дальнейшие события, повидимому, не вмешивается, предоставляя полную свободу действий родосским заговорщикам.

Кто же такие эти «заговорщики»? Это для нас наиболее интересный и важный вопрос. В изложении Hellenica Оксирихского папируса они обозначены, как *οἱ συνειδότες τὴν π[ρᾶξιν]*, т. е. создается впечатление, что главным действующим лицом является как будто Конон и не он посвящен в планы родосцев, а некоторые из родосцев посвящены в его планы. Такое освещение вопроса совпало бы с изложением Павсания. Нам кажется, что здесь мы имеем дело с обычной у античных историков трактовкой событий, выдвигающей на первый план внешние политические моменты. Хотя, конечно, в расчет Конона входило желание упрочить за собой Родос, но все же дело не в том, что Конон «убедил» родосцев, а в том, что афинская партия родосцев вошла в соглашение с Кононом, и он охотно, сохраняя тайну своего вмешательства, принял в этом участие, как не менее охотно до него спартанцы принимали участие в заговоре спартанской партии на Родосе.

Далее историк рассказывает о том, как родосцы, вооружившись ножами, явились на агору, и родосец Доримах, взойдя на камень глашатая, закричал так громко, как только мог: «Идем, граждане, на тиранов немедленно». Остальные при его крике поспешили с ножами в дом, где заседали архонты, и убили Диагоридов и еще одиннадцать человек, составлявших, очевидно, олигархическое правительство. Совершив это, они собирают «толпу» на народное собрание², и, пока еще собрание не разошлось, в гавань входит вновь Конон с флотом³.

Зачинщики переворота, убившие Диагоридов, разрушили олигархическое управление, установили демократию и кое-кого из граждан изгнали.

Нам следует несколько остановиться на этом рассказе, сохраненном Оксирихским папирусом⁴.

¹ βουλόμενος μὴ παρῆναι τῇ διαφθορᾷ τῶν Διαγορείων (Cratippi Hellenicorum fragmenta Oxyrhynchia, ed. Lipsius, Bonn, 1916) X, 10—11.

² Τὸ πλῆθος τὸ τῶν Ῥοδίων (εἰς ἐκκλησίαν).

³ «Rhodos» RE Suppl. V., S. 773 (Hiller v. Gaertringen).

⁴ Авторство еще не может считаться установленным. Первые издатели этого папируса Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papyri, V, 1908 (отдельное издание Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis, Oxon. 1909), также B u s o l t (Der neue Historiker u. Xenoph., «Hermes», XLIII, 1908; Zur Glaubwürdigkeit Theopomps, «Hermes» XLV, 1910), Ed. M e y e r (Theopomps Hellenica, Halle, 1909) и др. высказываются за авторство Феопомпа; другие, например P a r e t i (Cratippo e «Elle-

Точно следуя рассказу историка, мы должны были бы считать, что кучка заговорщиков убила кучку правителей и установила новую форму правления. Однако, если бы все обстояло именно так и народ сохранял полную пассивность, оставаясь только «толпой», которую *post factum* знакомят с положением дел, не для чего было бы Конону перед отъездом предусмотрительно распорядиться о занятии наиболее важных пунктов войсками, не для чего было бы ему вести на подмогу еще и добавочные триеры и явиться, как *deus ex machina* в эпилоге только что разыгравшейся трагедии. Против кого готовились выступить войска Конона и прибыл в гавань еще и новый флот? Против олигархии или против «толпы»?

Затем, если народ не участвовал никак в убийстве олигархов и резне, учиненной кучкой заговорщиков, то зачем было Доримаху кричать «насколько возможно громко» в самом людном месте города, на камне глашатая, и призывать граждан к немедленной расправе над тиранами? Мы бы теперь сказали, что это приемы демагога и явного подстрекателя. Конечно, не все граждане пошли за Доримахом. Часть испуганно разбежалась по домам, но часть, пострадавшая в свое время от олигархов, наверно, устремилась вслед за сторонниками Доримаха. Маленькой кучке заговорщиков было бы опасно предпринимать это дело днем и всенародно, если она не рассчитывала на поддержку массы. Несомненно, партия Доримаха на это и рассчитывала, но на всякий случай войска стояли наготове, и если бы родосцы не захотели переворота, их заставили бы захотеть.

Но дело обошлось без вмешательства войск. В ожидании экономических благ от нового демократического правительства родосцы приняли участие в социальной борьбе. Но обман должен был скоро обнаружиться. Оттого, что во главе города встали теперь выдвинувшиеся из низов купцы, владельцы рабских мастерских и другие представители рабовладельческой демократии, положение низов не улучшилось. Низы были недовольны и возбуждены, но флот Конона, стоявший в гавани, отнимал всякую надежду на возможность продолжения борьбы. Для умиротворения раздраженной бедноты Конон щедро распределяет среди народа хлеб, отнятый у спартанцев.

Проходит некоторое время, и вдруг в самом военном флоте Конона начинается явное революционное брожение. Его зачинщики—кипрские моряки. До них дошли слухи, что на Кипре жестокими мерами Конон только что подавил восстание матросов, начавшееся из-за неполной выплаты заработанных денег. Глава восстания, карпатянин, был распят на кресте и многие из участников убиты. Кипрские моряки, находящиеся в родосской гавани во флоте Конона, сбрасывают своих военачальников, покидают лагерь и гавань, забрав с собою, вероятно, и других недовольных, и находят себе поддержку у родосцев (*πολὺν θόρον καὶ ταραχὴν παρέσχον τοῖς Ῥοδ[ίοις]*). Родос вторично становится ареной гражданской борьбы. Олигархи недавно изгнаны, у власти демократы; чем же объяснить это «большое смятие и беспорядок»? На кого опираются в городе восставшие кипрские моряки из флота Конона, восставшие в виде протеста против несправедливой и жестокой расправы с их товарищами и земляками на Кипре? По-

niche» di Oxyrhynchos. «Studi Ital. di filol. class», XIX, 1912), Lehmann-Haupt («Griech. Gesch.» в «Einleitung in die Altertumswissenschaft», v. Gercke u. Norden, III², 1914), Veloc'h («Griech. Gesch.», III, 2², 1923, «Kratippos», считают автором Hellenica Кратиппа, значительно меньшее число ученых называют Эфора. В данной работе цитирую по изданию: Cratippi Hellenicorum fragmenta Oxyrhynchia scholarum in usum ed. J. H. Lipsius, Bonn, 1916. [X, 1 Col. XI (D Col. 1)].

видимому, мы имеем здесь дело с несомненным на этот раз восстанием угнетенных родосских низов, дважды обманутых—и олигархами и демократами. Народ—наемники-моряки и рабочий родосский люд—не соблюдает уже здесь строго регламентированных рамок «афинского» переворота. Восстание происходит и против олигархических узурпаторов власти и против квази-демократических ее узурпаторов¹. Восстание принимает резкие формы. Это видно из того, что, узнав о происшедшем, вновь в Родос спешно возвращается Конон. Но на этот раз, вместо миролюбивой демонстрации военных сил и щедрой раздачи захваченного египетского хлеба, следует быстрая и крутая репрессия. Зачинщики все убиты, оставшимся матросам Конон раздает плату с целью усмирить и успокоить волнуемый флот. Это первое, известное нам в истории Греции, восстание войска. В экономическом отношении, как в свое время отмечал К. Маркс, войско обгоняет развитие греческих полисов, и социальные конфликты в наиболее резких и острых формах выступают как раз в войске. Подобно тому, как восстание карфагенских наемников вбирало в себя и рабов и всех недовольных карфагенским политическим режимом, так и здесь восставшая часть флота предстает перед нами в качестве представителя и революционного вожака угнетенных низов.

Восстание окончилось неудачей. Состав флота пересмотрен, и новый набор флота (из эллинов и карийцев) слепо следует повелениям начальника. Оксирихский историк облегченно вздыхает: «Царский лагерь, подвергшийся такой великой опасности, благодаря Конону и его предусмотрительности избежал смуты»².

Итак, на Родосе снова возгорелась кононовская «демократия», продолжающая борьбу со сторонниками спартанской партии. Политика давления на олигархов и раздач народу тесно связана с военной обстановкой, когда родосские партии используют каждый промах или неудачу противника, пользуясь поддержкой то афинского, то спартанского флота³.

Родосская «свободная» демократия заботится о народе путем хлебных раздач и старательно сглаживает резкие проявления недовольства, как на то намекает Страбон, рассказывая о заботах правительства, чтобы в городе не было бедноты; это указывает на централизованность родосской демократии. Самая политика этого правительства во многих случаях проявляет ростовщические тенденции, а ростовщический капитал, как мы знаем, способствует росту централизации⁴. Мощь Родоса и заключалась

¹ Именно так, как нам кажется, нужно понимать выход из гавани в город восставшей части кононовского флота. Только опираясь на сочувствующие низы, восставшие киприоты могли укрепиться в городе. Восстание карфагенских наемников, происшедшее на 150 лет позднее, также привлекало на свою сторону недовольную бедноту и рабов, причем карфагенская армия играла роль революционного вожака восстания, поднимая за собой угнетенную массу. «Смятение и беспорядок» у родосцев происходили, конечно, не без участия родосской бедноты при испуге и страхе имущей верхушки. Рассказ историка неприкрыто тенденциозен, а с точки зрения имущей верхушки каждое восстание низов является неприятным «беспорядком».

² XV, 6 Col. XVIII (D. Col. VIII).

³ В 391 г. городом вновь овладевают олигархи (ср. Di od., XIV, 97; Xenoph.—Hell., IV, 8, 20), которые, повидимому, смогли закрепиться только в городе, а не на острове (Xenoph.—Hell., IV, 8, 22). Повидимому, демократы снова овладевают городом со времени «Царского мира» (387/6 г.) и остаются хозяевами положения до 354 г. до н. э..

⁴ К. Маркс —Теории прибавочной стоимости, изд 1932 г., т. II, 381—382, «Капитал», изд. 1929 г., т. III, ч. 2, стр. 108 сл.

в концентрации в своих руках торгово-ростовщического капитала, и вся политика этого купеческого государства была направлена на увеличение благосостояния купцов и ростовщиков. Поэтому, несмотря на систему хлебных раздач, несмотря на тщательное оберегание своего города от скопления бедноты, демократическое правительство Родоса не могло ни удерживать, ни остановить развертывание классовой борьбы, рост социальных противоречий и оппозиции как в пределах полиса, так и на его территориальной периферии. Централизованная под влиянием ростовщического капитала родосская демократия была гораздо более жестокой и страшной для угнетенных низов, чем, например, афинская.

Интересно отметить, что в 305/4 г., когда городу угрожает осада Димитрия Полиоркета, родосская демократия выселяет из города большую часть населения не столько из опасения недостатка провизии, но боясь, главным образом, что найдутся желающие воспользоваться силами Димитрия Полиоркета для борьбы с демократией и передачи города врагам¹. В Родосе было оставлено только около 7 000 человек,—цифра очень маленькая для такого города.

Можно предполагать, что и землетрясение 227/6 г.² (?) сопровождалось волнениями в городе. Наше внимание поневоле останавливает, во-первых, запрещение оракула восстанавливать разрушенный колосс и, во-вторых, присылка на Родос домостроителей и мастеров для отстройки города³.

Гигантская статуя Гелиоса, одно из семи чудес света, символ государственности и торговой мощи родосцев, не восстанавливается. При втором родосском землетрясении, происшедшем при Элии Аристиде, волнения сопровождалась нежеланием отстраивать город и намерением вообще выселиться из него. Может быть, подобные настроения имели место среди бедноты, не заинтересованной в выгодах географического положения острова, и в 227/6 г. Падение колосса для одних было падением символа могущества, для других—падением символа угнетения. Вероятно, оракул, запретивший восстановление колосса, был лишь маской, скрывшей фактическую невозможность восстановить этот символ угнетения при настроениях, господствующих в низах. Той же оппозицией и волнениями в городе объясняется, может быть, посылка Птолемеем не только квалифицированных мастеров для восстановления разрушенных зданий, но и низшей рабочей силы, повидимому, подмастерьев или чернорабочих для той же цели.

Однако и на этот раз город был восстановлен в не меньшем, если не большем, блеске. И до последних времен Родос сохранил и внешний блеск и централизованный демократический строй. Несмотря на внешнюю широкую «демократичность», централизованная под влиянием ростовщического капитала, «свободная» родосская демократия была одной из наиболее жестоких форм правления для угнетенных и порабощенных слоев.

Основной линией борьбы первого периода развития Родоса как торгового центра является борьба «между свободными богачами и свободными бедняками», находящая свое выражение в политической борьбе

¹ Ср. Diod. XX, 84, 2; Van-Gelder, S. 103 ff.

² Hiller v. Gaertringen ставит знак вопроса, не решаясь на более точную датировку (там же, стр. 785); Van-Gelden (стр. 114, прим. 1) датирует землетрясение 225 г.; по Полибию (V, 88) оно произошло незадолго до 219/8 г., причем были разрушены не только колосс Гелиоса, но и большая часть городских стен и корабельные верфи.

³ Strabo, XIII, 9; Polyb., V, 88, I—90, 4.

партий¹. Несмотря на то, что руководителями партийной борьбы являются представители состоятельного класса (мы не могли бы считать, что демократы опираются т о л ь к о на бедняков, олигархи т о л ь к о на богачей), искусственно раскалывающие сельское и городское население, мы все же видим из слабых намеков античных писателей, что здесь свободные бедняки образовывали какой-то не всегда сплоченный и не всегда непрерывный, но все же единый фронт в борьбе против класса угнетателей. Так, в восстании родосцев, руководимых восставшими матросами кононовского флота, восстании, непосредственно следующем за демократическим переворотом, и в тех жестоких мерах его подавления, которые предпринял Конон, мы видим несомненные признаки объединенной борьбы угнетенной массы против правящей группы угнетателей. Далее, в факте выселения из Родоса неблагонадежных элементов, к которым в первую очередь принадлежат свободные низы, и в намеке на какие-то репрессии по отношению к рабам, не входящим в число тех «хороших мужей», которым будет дарована исполюдия,—мы видим опять определенное объединение, и на этот раз не только городского населения, но и сельского населения с трудовыми элементами города, может быть, и с городским люмпен-пролетариатом. Также в отказе от восстановления колосса мы склонны видеть намек на этот же единый фронт борьбы угнетенных против угнетателей. Но было бы ошибочно рассматривать эту борьбу в классически четких линиях классовой борьбы, когда борющиеся стороны сознательно образуют два фронта, готовые ежеминутно к вооруженному столкновению. Здесь налицо гораздо более спутанные отношения. Олигархи ведут за собой отсталые земледельческие слои населения, демократы в значительной степени—городскую бедноту. Система подачек, главным образом, распространяется на люмпен-пролетариат, в больших размерах скапливающийся в торговых центрах такого масштаба, как Родос. Но по мере развития рабовладельческого общества идет расслоение в среде самих земледельцев—одни превращаются в землевладельцев и рабовладельцев, другие лишаются своих земельных наделов или попадают в расставленные силки ростовщического капитала. На этой стадии и происходит более тесное объединение обедневших и притесняемых земледельцев с городской беднотой и рабами. Это они выступают, образуя совместно с рабами единый фронт, в последние периоды существования рабовладельческой формации.

¹ «В древнем Риме,—говорит Маркс,—классовая борьба разыгрывалась лишь в пределах привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, в то время как огромная производительная масса населения, рабы, составляла только пассивный пьедестал для борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: «Римский пролетариат жил на счет общества, в то время как современное общество живет на счет пролетариата» (Предисловие ко второму изданию «18 брюмера», М.—Э., Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 313, 1936).